

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ИСПОВЕДИ И ПРОПОВЕДИ В РАССКАЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА «КАПЛЯ» ИЗ КНИГИ «ЦАРЬ-РЫБА»

В.В. Сазанов

Ключевые слова: В.П. Астафьев, исповедь, проповедь, интенция.

Keywords: V.P. Astafyev, confession, sermon, intention.

DOI 10.14258/filichel(2020)4-11

Проблема взаимоотношений человека и природы активно рассматривалась в произведениях первой половины XX века, где серьезно звучат тревога и беспокойство о сохранении красоты окружающего мира. Эти традиции продолжает проза 1960-70-х годов, где отчетливо прослеживается связь души автора и души природы: произведения полны пейзажей, лирических рассуждений, описаний животного и растительного мира. Мысль о единстве всего живого на земле, о философском прочтении человеческой жизни, в которой мало случайностей, доминирует в книге Виктора Астафьева «Царь-рыба» (1972-1975 годы). Содержание произведения анализировалось исследователями в ряде аспектов: социально-нравственном (Т.М. Вахитова), натурфилософском (Е.Н. Викторук, А.И. Смирнова), поэтологическом (В.В. Дегтярева), религиозном (О.Ю. Золотухина, П.А. Гончаров, Т.Н. Садырина и др.). Все литературоведы отмечают, что свои наиболее сокровенные мысли о бытии человека, о его роли в жизни и связи всего сущего в окружающем мире автор раскрывает в главе «Капля». Астафьевские рассуждения выходят, на наш взгляд, на

философско-религиозный уровень и приобретают черты исповеди и проповеди.

Целью данного исследования является углубление анализа философско-религиозного и жанрового аспектов анализа рассказа «Капля».

В российском литературоведении религиозный аспект творчества Астафьева изучен довольно подробно, однако в большинстве случаев научная рефлексия направлена на произведения позднего (красноярского) периода творчества. Духовную доминанту его произведений отмечали ранние критики и литературоведы (А.Н. Макаров, А.П. Ланшиков, В.Я. Курбатов, Н.Н. Яновский, Т.М. Вахитова, А.И. Хватов и др.), однако с 2000-х годов этот вопрос изучался не только филологами, но и представителями других научных сфер, в частности, философами и лингвистами (работы А.А. Осиповой, О.В. Фельде, исследования Е.Н. Викторук, О.Н. Гайдаш). В монографии О.Ю. Золотухиной «Религиозный поиск В.П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя» анализируются работы известных ученых, выявляются основные концептуальные, методологические подходы, рассматривается научная полемика по некоторым основополагающим вопросам, связанным с религиозным поиском В.П. Астафьева. Исследователь говорит о противоречивости духовной концепции Астафьева, незавершенности религиозной эволюции писателя и сложности оценок данного аспекта: «В литературоведении отсутствие единых методологических подходов к проблеме «Христианство и русская литература» обусловило противоположные суждения по поводу религиозного содержания произведений В.П. Астафьева. Одна группа исследователей (Г.А. Хакимова, Е.В. Петушкова, Н.М. Щедрина и др.), обозначая христианские традиции в произведениях писателя, подчеркивает идейную связь произведений писателя с работами религиозных философов начала XX века, отмечает религиозность некоторых художественных идей, анализирует религиозные мотивы и образы. Другая группа исследователей (М.М. Дунаев, А.Ю. Большакова, Т.Н. Садырина, Д.А. Субботкин) подчеркивает отсутствие у В.П. Астафьева твердой православной веры, акцентирует мотивы ожесточения, пессимизма, богооставленности мира и человека, отмечает элементы богоотступничества в творчестве писателя, особенно в его последних произведениях» [Золотухина, 2015, с. 3].

В европейском литературоведении проявляется интерес к творчеству В.П. Астафьева. Анализу книги «Царь-рыба» посвящена одна из работ крупнейшего французского слависта Жоржа Нива, в

которой исследователь видит не только морально-философский, но и религиозный подтекст [Nivat, 1982].

Рассказ В.П. Астафьева «Капля» входит в книгу «Царь-рыба» и определяется многими исследователями как глава философская, однако следует уточнить, что в ней присутствуют элементы религиозного жанра исповеди и проповеди. Идея этого рассказа – отразить конфликт природы и цивилизации. Повествователь из искалеченных «прогрессом» мест попадает в мир девственной природы. Он едет на рыбалку в компании своего сына, брата Коли и его друга Акима. Целый день они все вместе ловили рыбу, описание этого процесса сопровождается тонкими наблюдениями над явлениями природы и взаимоотношениями между людьми. Вечером, после знатного улова, рыбаки расположились возле костра на ночевку. Все описания носят реалистический характер. *«Мы свалили кедровую сухарину, раскрывали ее топором. И вот уж кипяток, запаренный смородинником и для крепости приправленный фабричным чаем, напел, запах»* (Астафьев, 2007, с. 46)¹. После долгого трудового дня все были уставшими, сидели возле костра, практически не разговаривая. *«Чай поджигил Колю. Он прилег на бок, уперся щекой в ладонь, слушал тайгу-мату – она отодвинулась от всех шумов, шорохов, отстранилась от всякого движения и отчужденно погружалась в самое себя, в хвою, в листья, в мох, в хлябистые болота»* (Астафьев, 2007, с. 46). Вскоре все уснули, кроме повествователя. *«Я спать не хотел. Не мог. Напился крепкого чая, за братана переживал и, кроме того, столько лет мечтал посидеть у костра в тайге, еще не тронутой, точнее сказать, не поувеченной человеком, так неужели этот редкий уже праздник подрыхать?! Что испытывал я тогда на Опарихе, у одинокого костра, хвостатой кометой мечущегося в темени лесов, возле дикошарой днем, а ночью по-женски присмирелой, притаенно говорливой речки? Все. И ничего»* (Астафьев, 2007, с. 46). Этот фрагмент является началом лирических размышлений, авторской медитации, традиционно осуществляемой в художественном тексте, где дистанция между автором устранена, пространство-природа, время действия – ночь.

В глубине лесов, вдали от цивилизации, оставшись наедине с самим собой, герой становится тем, кто он есть: в человеке обнажается его сущность. Повествователь, несмотря на возраст, как будто снова стал ребенком. *«Дома, в городской квартире, закинув у батареи парового*

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст Астафьева В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах. Иркутск, 2007.

отопления, мечтаешь: будет весна, лето, я убреду в лес и там увижу такое, переживу разтакое <...> Все мы, русские люди, до старости остаемся в чем-то ребятишками, вечно ждем подарков, сказочек, чего-то необыкновенного, согревающего, даже прожигającego душу, покрытую окалиной грубости, но в середине незащищенную, которая и в изношенном, истерзанном, старом теле часто ухитряется сохраняться в птенцовом пухе» (Астафьев, 2007, с. 47).

По мнению А.В. Меньших, «тайга, оставаясь пространством реальным и сохраняя свое конкретное, “предметное” выражение (как географическое и биологическое явление), становится пространством фантастическим и приобретает мифологические черты <...> Тайга – пространство замкнутое и безграничное одновременно. С приходом ночи возрастает влияние космического, когда тайга из части божественного мироздания превращается в “тот свет”, по христианской картине мира» [Меньших, 2005]. Автору как будто приоткрывается завеса, и он начинает видеть и чувствовать другой мир, скрытый от человека до времени. «В глуби лесов угадывалось чье-то тайное дыхание, мягкие шаги. И в небе чудилось осмысленное, но тоже тайное движение облаков, а может быть, иных миров или “ангелов крыла”?! В такой райской тишине и в ангелов поверишь, и в вечное блаженство, и в иствление зла, и в воскресение вечной доброты» (Астафьев, 2007, с. 49). Все это выводит автора на религиозно-философские размышления. «Я закинул руки за голову. Высоко-высоко, в сереньком, чуть размытом над далеким Енисеем небе различил две мерцающие звездочки, величиной с семечко таяжного цветка майника. Звезды всегда вызывают во мне чувство сосущего, тоскливого успокоения своим лампадным светом, неотгаданностью, недоступностью. Если мне говорят: “тот свет”, – я не загробье, не темноту воображаю, а эти вот мелконькие, удаленно помаргивающие звездочки. Странно все-таки, почему именно свет слабых, удаленных звезд наполняет меня печальным успокоением?» (Астафьев, 2007, с. 50). От индивидуального (ощущений, желаний) нарратор переходит к общечеловеческому, объединяющему многих людей. «И не ожидание ли необычного, этой вечной сказочки, не жажда ли чуда толкнули однажды моего брата в таймырскую тундру, на речку Дудытту, где совсем не сказочной болезнью и тоской наделила его шаманка? И что привело нас сюда, на Опариху? Не желание же кормить комаров, коих чем глуше ночь, тем гуще клубится и ноет возле нас» (Астафьев, 2007, с. 47). Суровая реалистическая деталь, повторяющаяся в описании тайги у Астафьева, – комары, гнус, – часть антипасторального мотива. Вопреки этому

возникает описание такого состояния гармонии, которое можно назвать идиллическим. Тропы, используемые автором, свидетельствуют о направленности художественного сознания от земного к небесному, от реалистического к метафизическому или трансцендентному.

Сидя возле костра, слушая тишину, повествователь глубоко погружается в себя, в свои мысли и вместе с этим как будто сливается с окружающим его миром. *«Казалось, тише, чем было, и быть уже не могло, но не слухом, не телом, а душою природы, присутствующей и во мне, я почувствовал вершину тишины, младенчески пульсирующее темечко нарождающегося дня – настал тот краткий миг, когда над миром парил лишь Божий дух един, как рекли в старину»* (Астафьев, 2007, с. 48). Детское чувство радости жизни, кажется, заглушило в нем боль войны (из контекста повествования становится ясно, что автор был ее участником), именно созерцание (ощущение) совершенства Божьего мира вернули ему это чистое, светлое мировосприятие. Но травматический опыт заставляет тут же вспомнить о хрупкости жизни и мира: *«На заостренном конце продолговатого ивового листа набухла, созрела продолговатая капля и, тяжелой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением. И я замер»* (Астафьев, 2007, с. 48). Семантика образа капли многослойна, не случайно он вынесен в заглавие. По утверждению Т.Н. Садыриной, капля – это *«символ хрупкой гармонии мира, зависимости судьбы (мира, планеты, вселенной) от единичного, незаметного, но сущностного <...> Герой-повествователь метафорически сближает образ висящей капли росы с образом планеты, как бы всегда висящей на краю гибели»* [Садырина, 2019, с. 25].

Действительно, при виде готовой упасть и обрушить гармонию мироздания капли – символа хрупкости, красоты и величия природы, герой-рассказчик размышляет на тему смысла человеческого существования, смысла бытия. Постепенно он развивает мысль, что человек не может существовать сам по себе, быть самодостаточным. *«Мы внушаем себе, будто управляем природой и что пожелаем, то и сделаем с нею. Но обман этот удаётся до тех пор, пока не останешься с тайгой с глазу на глаз, пока не побудешь в ней и не повращуешься ею, тогда только воньмешь ее могущество, почувствуешь ее космическую пространственность и величие»* (Астафьев, 2007, с. 50). Неслучайно и употребление автором старославянизмов. Также как ребенок не может без родителя, мир не может существовать без поддержки Творца. *«И как подумаешь: вот скоро умирать, а они (дети) тут останутся одни, кто их, кроме отца»*

и матери, знает такими, какие они есть? Кто их примет со всеми изъянами? Кто поймет? Простит?

И эта капля!

Что, если она обрушится наземь? Ах, если б возможно было оставить детей со спокойным сердцем, в успокоенном мире! Но капля, капля!..» (Астафьев, 2007, с. 50). Мысль о возможной вселенской катастрофе не дает покоя рассказчику, так как он был участником Великой Отечественной войны, а значит, очевидцем мирового преапокалипсиса, Астафьеву важно передать чувство тревоги за планету, предупредить, выразить нравственное поучение. Астафьев следует традиции русской классики (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский), в которой доминирует комплекс философско-религиозных, христианских идей.

Исходя из цели нашего исследования, обратимся к выявлению признаков исповеди и проповеди, проявляющихся на уровне авторских интенций.

Покаяние / исповедь в теологии понимается как примирение грешника с Богом через исповедание и последующее отпущение грехов. Как следствие, за этим идет потребность очистить душу, получить моральное облегчение. Если говорить не о канонической исповеди, а об исповедальной интенции, то она отличается тем, что носит имплицитный характер. *«У каждого человека в сознании существует некий кодекс правил и норм поведения, которым он следует. Каждый, так или иначе, оценивает совершенные им действия, а любая оценка порождает определенное отношение. В том случае, если совершенные поступки оцениваются как положительные, возникает чувство самоудовлетворенности. В случае же совершения неверного действия человек ощущает неудовлетворенность, эмоциональную нестабильность, что в итоге вызывает желание выговориться, объяснить причины совершенного поступка, найти понимание и одобрение окружающих, а все это – не что иное, как определенные исповедальные интенции»* [Пригарина, 2011].

Исповедальная интенция обнаруживает себя в тех текстовых фрагментах, когда герой литературного произведения пытается выговориться и осознать, осмыслить свои чувства, отношение к кому-либо или чему-либо и прийти к мысли о покаянии.

В астафьевском тексте герой-повествователь осознает себя частью человечества и говорит не столько о своей личной вине (как в исповеди), но о коллективной вине людей за недостойное поведение – это и война, и нарушение экологического равновесия, и безнравственные поступки людей: *«Но при чем тут небо, звезды, ночь,*

таежная тьма? Это она, моя душа, наполнила все вокруг беспокойством, недоверием, ожиданием беды. Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас. Звезды потухали или разбивались на осколки, взамен их расцветали на небе другие. И деревья в тайге умирали и рождались, одно дерево сжигало молнией, подмывало рекой, другое сорило семена в воду, по ветру, птица отрывала шишку от кедра, клевала орехи и сорила ими в мох. Нам только кажется, что мы преобразовали все, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили ее, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнем. Но страху, смятенности своей не смогли ей передать, не привили и враждебности, как ни старались. Тайга все так же величественна, торжественна, невозмутима» (Астафьев, 2007, с. 50).

Исповедуясь таким образом, герой апеллирует к человеческому разуму, инстинкту самосохранения, органическому чувству родства, сопричастности всему живому. Призывает следовать принципам высокой человечности во имя всего живого. Так постепенно исповедь перетекает в проповедь, «вбирая в себя антивоенный пафос, христианскую убежденность в силе слова, в первичности духовного начала жизни, апокалиптический мотив и предупреждение о возможной катастрофе» [Садырина, 2019, с. 25].

После того, как «опал, истаял морок», герой свидетельствует о своем внутреннем облегчении, что и должно следовать после чистосердечного и искреннего покаяния: «*Все было как надо! И я не хочу, не стану думать о том, что там, за тайгой? Не желаю! И хорошо, что северная летняя ночь коротка, нет в ней могильной тьмы. Будь ночь длинна и темна, и мысли б темные, длинные в башку лезли, и успел бы я воссоединить вместе эту девственную, необъятную тишину и клокочущий где-то мир, самим же человеком придуманный, построенный и зажавший его в городские щели. Хоть на одну ночь да отделился я от него, и душа моя отошла, отдохнула, обрела уверенность в нескончаемости мироздания и прочности жизни» (Астафьев, 2007, с. 51).*

Образ капли получает новую коннотацию, придающую жизнеутверждающий смысл финалу рассказа. В свете восходящего солнца капля из угрозы превращается в сияние торжествующей жизни вокруг. «*Я оглянулся и от серебристого крапа, невдали переходящего в сплошное сияние, зажмурил глаза. Сердце мое трепыхнулось и обмерло от радости: на каждом листке, на каждой хвоинке, травке, в венцах соцветий, на дудках дедулек, на лапах пихтарников, на необгорелыми концами высунувшихся из костра дровах, на одежде, на сухостоинах и на живых стволах деревьев, даже на сапогах спящих ребят мерцали,*

светились, играли капли, и каждая роняла крошечную блеску света, но, слившись вместе, эти блески заливали сиянием торжествующей жизни все вокруг, и вроде бы впервые за четверть века, минувшего с войны, я, не зная, кому в этот миг воздать благодарность, пролепетал, а быть может, подумал: «Как хорошо, что меня не убили на войне и я дождал до этого утра...» (Астафьев, 2007, с. 52).

Мотив благодарности и радостного приятия жизни является одним из доминирующих в христианском мироощущении, а в данном тексте является доказательством философско-религиозной авторской идеи. Элементы исповедально-проповеднического нарратива проявляются как «память жанра», как направленность творческого сознания Астафьева на постижение законов существования жизни.

Литература

Дегтярева В.В. Виктор Астафьев в европейском литературоведении // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». Красноярск, 2009.

Золотухина О.Ю. Религиозный поиск В.П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя. Красноярск, 2015.

Меньших А.В. Художественное пространство как способ отражения идеи (по рассказу В.П. Астафьева «Капля») // Астафьевские чтения. Пермь, 2005. Вып. 3.

Пригарина А.С. Исповедь как жанр и интенция. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2.

Садырина Т.Н. «Царь-рыба» В.П. Астафьева как духовно-нравственное, экологическое, онтологическое поучение // Христианство и литература. Красноярск, 2019. Вып. 4.

Тимофеева Н.В. Философская концепция мира и человека в повести Виктора Астафьева «Царь-рыба» // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2017.

Nivat G. Chapitre XLI. Le «Tsar-Poisson» D'Astafiev // Vers la fin du mythe russe; Essai sur la culture russe de Gogol à nos jours: Collection Slavica dirigée par Jacques Catteau, Georges Nivat et Vladimir Dimitrijevi. Lausanne, Suisse, Édition L'âge de l'homme, 1982.

Список источников

Астафьев В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах. Иркутск, 2007.

References

Degtjareva V.V. *Viktor Astafjev v evropejskom literaturovedenii* [Victor Astafiev in European Literary Criticism]. *Jubilejnye Astafjevskie chtenija «Pisatel' i ego jepoha»* [Anniversary Astafiev Readings «The Writer and His Era»]. Krasnojarsk, 2009.

Zolotuhina O.Ju. *Religioznyj poisk V.P. Astafjeva v kontekste tvorcheskoj jevolucii pisatelja* [V.P. Astafiev's Religious Search in the Context of the Writer's Creative Evolution]. Krasnojarsk, 2015.

Men'shih A.V. *Hudozhestvennoe prostranstvo kak sposob otrazhenija idei (po rasskazu V. P. Astaf'eva «Kaplja»)* [Artistic Space as a Way of Reflecting an Idea (based on the story of V.P. Astafiev «A Drop»)]. *Astaf'evskie chtenija* [Astafiev Readings]. Perm', 2005. Iss. 3.

Prigarina A.S. *Isповед' kak zhanr i intencija* [Confession as a Genre and Intention]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University]. 2011. No. 2.

Sadyrina T.N. «*Car'-ryba*» V.P. Astaf'eva kak duhovno-nravstvennoe, jekologicheskoe, ontologicheskoe pouchenie [V.P. Astafiev's «Tsar-fish» as a Spiritual, Moral, Ecological, Ontological Teaching]. *Hristianstvo i literature* [Christianity and Literature]. Krasnojarsk, 2019. Iss. 4.

Timofeeva N.V. *Filosofskaja koncepcija mira i cheloveka v povesti Viktora Astaf'eva «Car'-ryba»* [Philosophical Concept of the World and Human in the Story «Tsar-fish» by Viktor Astafiev]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University]. 2017.

Nivat G. *Chapitre XLI. Le «Tsar-Poisson» D'Astafiev. Vers la fin du mythe russe; Essai sur la culture russe de Gogol à nos jours: Collection Slavica dirigée par Jacques Cateau, Georges Nivat et Vladimir Dimitrijevi. Lausanne, Suisse, Édition L'âge de l'homme, 1982.*

List of sources

Astaf'ev V.P. *Car'-ryba: Povestvovanie v rasskazah* [The Tsar Fish: Narrative in Stories]. Irkutsk, 2007.